

Н. И. Пригарина, Н. Ю. Чалисова, М. А. Русанов

**«Мое сердце не принимает иного пути»:
газель Хафиза о тщетных советах**

В данную публикацию мы включили комментированный перевод газели Хафиза № 149¹, выполненный в рамках проекта «Русский Хафиз». Цель его — создание филологического перевода Дивана Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза (ок. 1315–1389) с подробными комментариями к каждой газели. Первая часть этого труда уже опубликована², здесь вниманию читателей предлагается небольшой фрагмент из второй части, готовящейся к изданию. Наш выбор текста для публикации обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, это стихотворение принадлежит к числу немногих «больших» газелей в Диване Хафиза, оно состоит из 14 бейтов, что почти вдвое превышает по объему среднюю длину (7–8 бейтов). Столь пространственный лирический текст сохраняет одну из главных особенностей хафизовской поэтики — отсутствие единого лирического сюжета и смысловую дезинтеграцию бейтов, демонстрируя при этом особые приемы связывания строк в лирическое целое. Эти приемы можно, прибегнув к кинотерминам, обозначить как «ассоциативный» и «параллельный» монтаж мотивов, относящихся к двум ведущим темам («тщетность добрых советов» и «недейственность прекрасных стихов»). Сложное переплетение и чередование этих тем на протяжении газели обогащает ее семантическое пространство, порождая аналогии и косвенные взаимосвязи между внешне не связанными образами.

Во-вторых, эта газель представляет собой поэтический «ответ» на другое стихотворение. В этом не было бы ничего необычного, если бы автором, с которым Хафиз вступил в переписку, был другой поэт. Однако на этот раз им оказался правитель Шираза и покровитель поэта — Шах Шуджа⁴ Музаффарид

---

¹ Перевод дан по изданию [Хафиз 1994], содержащему тексты в редакции Казвини–Гани; отсылки к номерам газелей Хафиза в статье даны по этому изданию.

² См. [Хафиз 2012], где приведены газели № 1–100. Далее в статье пометы типа «см. коммент. к газ. 4:3» отсылают к этой публикации.

(1358–1385). Распределение ролей в придворной газели предполагает, что под маской возлюбленного друга, т. е. адресата, к которому обращается лирический персонаж (поэт-влюбленный), скрыт «мужчина, даже с бородою»³ — восхваляемый правитель. Коллегам по поэтическому цеху отводится в этой системе образов роль соперников влюбленного, уступающих ему в силе любви (беззаветной преданности покровителю), а восхваление поэтом своих стихов строится по модели «такой красоте, как твоя, о любимый, приличествуют лишь стихи, столь прекрасные, как мои».

В газели 149 роли распределены иначе. Ее адресат — не только возлюбленный друг и восхваляемый правитель, но и поэт-соперник, соревнование с которым, подразумеваемое формой «ответа», ведется на протяжении всех 14 бейтов; к сожалению, сохранился лишь первый бейт произведения Шаха Шуджа⁴, и о характере этого необычного поединка мы судить не можем.

* * *

دلَم جز مهر مهرویان طریقی بر نمیگیرد
 ز هر در میدهم پندش ولیکن در نمیگیرد
 خدا را ای نصیحت گو حدیث ساغر و می گو
 که نقشی در خیال ما ازین خوشتر نمیگیرد
 بیا ای ساقی گلرخ بیاور باده رنگین
 که فکری در درون ما ازین بهتر نمیگیرد
 صراحی میکشم پنهان و مردم دفتر انگارند
 عجب گر آتش این زرق در دفتر نمیگیرد
 من این دلق مرقع را بخواهم سوختن روزی
 که پیر می فروشانش به جامی بر نمیگیرد

³ Из стихов Саши Черного:

«Когда поэт, описывая даму,
 Начнет: „Я шла по улице. В бока впился корсет“,
 Здесь „я“ не понимай, конечно, прямо —
 Что, мол, под дамою скрывается поэт.
 Я истину тебе по-дружески открою:
 Поэт — мужчина. Даже с бородою».

از آنرو هست یاران را صفاها با می لعلش
 که غیر از راستی نقشی در آن جوهر نمیگیرد
 سر و چشمی چنین دلکش توگوئی چشم ازو بردوز
 برو کاین وعظ بی معنی مرا در سر نمیگیرد
 نصیحت گوی رندان را که با حکم قضا جنگست
 دلش بس تنگ می بینم مگر ساغر نمیگیرد
 میان گریه میخندم که چون شمع اندرین مجلس
 زبان آتشینم هست لیکن در نمیگیرد
 چه خوش صید دلم کردی بنازم چشم مستت را
 که کس مرغان وحشی را ازین خوشتر نمیگیرد
 سخن در احتیاج ما و استغنای معشوقست
 چه سود افسونگری ای دل که در دلبر نمیگیرد
 من آن آینه را روزی بدست آرم سکندروار
 اگر میگیرد این آتش زمانی و نمیگیرد
 خدا را رحمی ای منعم که درویش سر کوبت
 دری دیگر نمیداند رهی دیگر نمیگیرد
 بدین شعرتر شیرین ز شاهنشاه عجب دارم
 که سر تا پای حافظ را چرا در زر نمیگیرد

Bahr: hazaj-i muṭamman-i sālim

Vazn: mafā'īlun mafā'īlun mafā'īlun mafā'īlun

*di-lam-juz-mih / ri-mah-rū-yāⁿ / ṭa-rī-qī-bar / na-mī-gī-rad
 zi-har-dar-mī / da-ham-pan-daš / va-lī-kan-dar / na-mī-gī-rad*

1. Мое сердце не принимает иного пути, кроме любви к луноликим,
По-всякому я даю ему советы — не действует!
2. Эй, советчик, ради Бога, веди речь про чашу и вино,
Ведь ничто не действует на наше воображение лучше этого.
3. Давай, розоликий виночерпий, неси многоцветного вина,
Ведь не приходит нам в голову мысль лучше этой!

4. Украдкой несу бутылъ, а люди думают — тетрадь,
Удивительно, если огонь этого лицемерия не подожжет тетрадь!
5. Однажды я сожгу это заплатанное рубище,
Ведь старик-виноторговец не берет его за чашу [вина]!
6. От его рубинового вина друзья обретают чистосердечие, ибо
Иной рисунок, кроме прямоты, не держится на этой субстанции.
7. Голова и глаза так манят... Ты говоришь: закрой на них глаза!
Отстань, ведь это пустое наставление не идет мне в голову!
8. У советчика риндов ссора с велением рока,
Я вижу его в большом унынии — он же не притрагивается к чаше!
9. Я смеюсь сквозь слезы, ведь, как у свечи, в этом собрании
У меня есть огненный язык, но он не оказывает действия.
10. Славно ты поохотился на мое сердце, хвала твоим пьяным глазам,
Никто лучше не ловит диких птиц!
11. Речь о том, что мы в нужде, а возлюбленный — в достатке.
О сердце, что толку в ворожке, если она не действует на любимого?!
12. Когда-нибудь я, как Искандар, заполучу то зеркало,
Разгорится ли однажды этот огонь или не разгорится.
13. Ради Бога, благодетель, окажи милость, ведь бедняк с твоей улицы
Не ведает других дверей, не избирает иного пути.
14. При таких сочных, сладких стихах я удивляюсь шаханшаху —
Почему он не покроет Хафиза золотом с головы до ног?!

Комментарий

1. «Любовь к луноликим» — *mīhr-i mahrūyān*, оборот содержит фигуру «графического родства» (*jinās-i ḥaṭṭ*): в арабской графике первые три буквы слов *mahrūyān* и *mīhr* совпадают. Во втором полустишии встречается еще одно «сроднение»: «по-всякому» — *zi har dar* (букв. «из каждой двери»), «не действует» — *dar-namīgīrad*; в первом случае слово *dar* — существительное «дверь», во втором — провербная часть глагола *dar-giriftan*. Отмечено [Хуррамшахи: 582], что глагол *dar-giriftan* встречается в Диване в нескольких значениях: 1. производить впечатление, оказывать воздействие (10:6; 77:4; 149:1; 370:7); 2. освещаться, воспламеняться, загораться (86:1; 149:9; 257:1); 3. начинаться (86:1). В ряде случаев эти значения совмещаются (прием *ixam*), как, например, в полустишии *kār-i čirāg-i xalvatīyān bāz dar-girift* (86:1) — «У светоча затворников вновь дела в разгаре», также —

«Дело светоча затворников началось вновь». Ср. употребление этого глагола в газели Са'ди: «Я сказал, что подожду весь мир, // Он сказал: „Са'ди, это на меня не подействует (*dar-nagīrad*)“» [Са'ди 1996: 472, газ. 144, б. 12], второе полустипение здесь можно также перевести «Он сказал: „Са'ди, этим тебе меня не поджечь“». В газели Хафиза оба значения глагола разведены: в нашем бейте подразумевается «оказывать воздействие», а в бейте 9 на первом плане — «загораться». Такая игра значений позволяет поэту употребить глагол дважды в позиции рифмы и радифа, избежав тавтологии.

2. «Советчик» — *nasīhat-gū*, букв. «произносящий совет», первый компонент композита — *nasīhat* «совет» принадлежит к числу ключевых понятий поэзии Хафиза, имеющих двойственный статус. Советы могут исходить от противников лирического персонажа (проповедник, аскет и т. д.), такие советы герой не признает и высмеивает, считая их ложными (см., например, 29:8; 113:5; 372:5). В тех случаях, когда советы дает сам лирический персонаж, (например, скрытый под маской мудрого старца), они преподносятся как выражение некой истины (3:7; 37:6–9), полные списки контекстов обоих типов см. в [Хуррамшахи: 583–584].

«Веди речь про чашу и вино» — *ḥadīṭ-i sāgar-u may gū*, т. е. «говори о радостях бытия», вместо того, чтобы давать ненужные советы о воздержании (или: чтобы предаваться бесплодному умствования); ср. знаменитый бейт: «Веди речь о музыкантах и вине и не выведывай тайну мироздания, // Ведь никто не разгадал и не разгадает при помощи мудрости эту загадку» (3:7). В редакции Ханлари и у Суды (с. 906) обозначением «радостей бытия» служит «пушок виночерпия», приведен вариант *ḥadīṭ az ḥattī sāqī gū* «веди речь о пушке виночерпия».

«Не действует» — *naqṣ-ī namīgīrad*, бейт приведен в [Диххуда: сл. ст. *Naqṣ giriftan*] как пример на значение «воздействовать», «оказывать эффект». Такие значения *naqṣ* (именного компонента глагола), как «узор», «рисунок» и «рисунок мелодии» (ср. 123:1), привносят в бейт аллюзии к другим необходимым элементам пиршества — вину (узоры вина на поверхности чаши), музыкантам и певцам (рисунок мелодии) и образу возлюбленного друга. Сочетание *naqṣ-ī dar xayāl-i mā* рождает ассоциацию с

устойчивым выражением *naqṣ-i xayāl* «рисунок образа», т. е. мысленный образ друга (см. 59:5; 320:6).

Остроумие ситуации состоит в том, что лирический персонаж учит советчика, как давать советы.

3. «Розоликий виночерпий» — *sāqī-yi gul-ruḥ*, композит *gul-ruḥ* «розоликий» — устойчивый эпитет лица, поэты круга Хафиза часто используют его для описания румянца виночерпия, соотносимого с цветом вина. В касыде Убайда Закани есть полустышие, которое отличается от хафизовского лишь порядком слов и эпитетом вина (*gul-gūn* «цвета розы» вместо *rangīn* «многоцветный»): «Снова в степь пришло великолепие ранней весны, // О розоликий виночерпий, давай, носи вина цвета розы (*gul-gūn*)» [Убайд Закани 1997: 48]. Ср. также бейт из касыды Салмана Саваджи: «Памятуя о розе и багряннике, [друг] берет // У розоликого виночерпия вино цвета багрянника» [Салман 2001: 200, касыда № 94, б. 6].

В редакции Ханлари этот бейт отсутствует.

4. «Украдкой несую бутылку» — *ṣurāḥī mīkaṣam pinhān*, также «украдкой потягиваю вино из бутылки», по аналогии с выражениями *sāgar kaṣīdan* и *qadaḥ kaṣīdan* «пить вино из чаши» [Хуррамшахи: 584]. Наряду с призывами к демонстративному, риндскому питью вина в Диване представлена и тема тайного винопития, см., например, газель 41:1–3, где герой боится мухтасиба и прячет чашу в рукав, поскольку, как сказано в газели 200:1, за питье вина грозит суровое наказание.

«Тетрадь» — *daftar*, по мнению Рахбара (с. 202), имеется в виду тетрадь с молитвами: лирический персонаж позволяет окружающим принимать бутылку за молитвенник, что выдает его лицемерие. Возможно, имеется в виду «тетрадь стихов», в Диване есть другие случаи употребления *daftar* в значении «сборник стихов» (см., например, 44:2).

«Подожжет тетрадь» — мотив «сожжения тетради» встречается в персидской поэзии, при этом, как правило, «тетрадь» служит метафорой какого-либо качества, которого лишается влюбленный. Ср., например, у Амира Хусрава: «Из-за огня сердца сгорела тетрадь моего терпения, // Ее копию спроси у разумного [человека]» [Амир Хусрав, Dorj-3: газ. 119, б. 5], и Камала Худжанди: «Твой пушок (*xaṭṭ-i tu*, также — письмо) сжег ог-

нем тысячу тетрадей разума, // Не знаю, у кого ты научился этому письму (*xatt!*)» [Камал Худжанди 1975: 692, газ. 665, б. 3].

Метафора «тетрадь» во втором полустииши указывает сразу на несколько смыслов. Это, прежде всего, ироническая отсылка к реальной бутылки: огонь моего лицемерия может сжечь даже бутылку с вином (принятую за тетрадь). Кроме того, это указание на метафорическую «тетрадь благочестия»: огонь моего лицемерия может уничтожить остатки моего благочестия. И, наконец, это намек на тетрадь стихов: огонь лицемерия может повредить моим стихам.

5. «Заплатанное рубище» — *dalq-i muraqqa'*, одежда суфия, оба компонента этого выражения употребляются отдельно в значении «рубище». *Dalq* — грубошерстная рубаха черного или синего цвета, без разреза на груди, см. газель 8:1, где бейт построен на противопоставлении *dalq* и чаши вина. *Muraqqa'* (араб. «заплатанный») — ношение заплатанной одежды — отличительный признак суфиев, которые следуют сунне (сохранились хадисы о ношении заплатанной одежды Мухаммадом и его соратниками); Худжвири посвятил специальную главу своего трактата обычаям ношения «заплатанной одежды (*muraqqa'āt*)» [Худжвири 2004: 45–57].

«Сожгу это заплатанное рубище» — т. е. отрекусь от суфизма; возможно, по аналогии с шейхом Сан'аном (см. 10:1), который, влюбившись в девушку-христианку, отрекся от ислама и бросил в огонь хирку. О сжигании *muraqqa'* см. также контекст 239:7, где приведен близкий вариант образа: «Я сожгу это заплатанное рубище, красочное, как роза, // Ведь старик-виноторговец не дал за него и глотка вина»; см. также 17:7, где упоминается сожжение хирки.

Жалобы на невозможность поменять рубище или молитвенный коврик на вино звучат во многих газелях Дивана, всякий раз доказывая малоценность атрибутов внешнего благочестия, присущего аскетам и суфиям, см. газель 151:2: «На улице виноторговцев его не берут [в обмен] на чашу [вина], // Вот уж молитвенный коврик благочестия — не стоит одного кубка!», см. также 77:6.

6. «Друзья обретают чистосердечие» — *hast yārān rā ṣafāhā*, букв. «у друзей есть [многие] чистоты»; *ṣafā* — «чистота», «незамутнен-

ность», как характеристика вина указывает на прозрачность, отсутствие осадка, как характеристика душевного состояния — на чистосердечие; *ṣafā* — также «радость», «удовольствие». «Субстанция» — *jawhar*, также — «драгоценный камень», «жемчуг», что устанавливает лексическое соответствие (*tanāsub*) с определением вина — «рубиновое».

Второе полустишие *ki ġayr az rāstī naqš-ī dar ān jawhar namīgīrad* допускает разное синтаксическое осмысление. Мы рассматриваем *naqš-ī* как подлежащее, а *namīgīrad* — как сказуемое, выраженное глаголом *giriftan* в его непереходном значении «приживаться», «прикрепляться»; такая же точка зрения отражена в переводе Ш.-А. Фушекура [Hafez de Chiraz 2006: 446]. Суди (с. 909) считает, что подлежащее здесь *ān jawhar*, а сказуемое — *dar namīgīrad* (в котором преверб *dar* отделен от самого глагола). Тогда следует переводить: «Иного рисунка, кроме прямоты, не принимает эта субстанция».

Смысл бейта: мои друзья при помощи вина очищают сердца от лицемерия (также «радуются вину»), потому что эта субстанция (драгоценный камень, рубин, жемчуг) принимает отпечаток только одного качества — прямоты, правды [Хуррамшахи: 585]. Хуррамшахи предполагает, что второе полустишие содержит намек на качество вина — оно подлинное, благородное, настоящее; образ бейта отсылает к распространенному выражению *mastī va rāstī* «опьянение и прямота».

7. «Закрой глаза» — *čašm bar-dūz*; букв. «зашей глаза». В слове [Диххуда: сл. ст. *Bar-dūxtan*] близкий оборот *dīda bar-dūxtan* трактуется как *čašm pūšīdan* «закрывать глаза» с примером из Хафиза «Я заслонил глаза (*bar dūxta-am dīda*) от всего мира, словно сокол...» (40:7). «Отстань» — *biraw*, букв. «уходи!», «иди прочь!»; «не идет мне в голову» — *ma-rā dar sar namīgīrad* — т. е. на меня не действует, не производит впечатления [Суди: 909–910; Рахбар: 203], ср. значение радифа в бейтах 1, 2. Перевод «не идет мне в голову» избран для того, чтобы отразить поэтический прием, использованный поэтом: оборот «голова и глаза», стоящий в начале бейта, расщепляется, и слова, входящие в него, используются в двух фразеологизмах. Словосочетание *sar-u čašm* необычно для описания красоты — обычно воспеваются манящие глаза, но не голова. У Хафиза встречается еще один пример с тем же «расщеплением»: «Голова моя отбилась от рук,

глаза высохли от ожидания // В мечте о голове и глазах, украшающих собрание (*sar-u čašm-i majlis-ārā-ī*) (491:3).

В бейте продолжается тема советов и советчика (ср. бейты 1, 2), здесь представленная как отказ от «пустых наставлений» (*va'z-i bī-ma'nī*), и продолженная в следующем бейте.

В редакции Ханлари бейт отсутствует.

8. «Советчик риндов» — *našihat-gū-yi rindān*, т. е. тот, кто дает невыполнимые советы гулякам-риндам не пить вина и не восхищаться прекрасным лицом (ср. б. 7). «Веление рока» — *ḥukm-i qažā* — судьба быть пьяницами уготована риндам в предвечности, не понимать этого — все равно что вступать в войну с божественными предначертаниями. Этот оборот встречается в Диване еще раз: «Хафиз, с красавцами у тебя нет другой доли, кроме этой судьбы, // Если нет у тебя согласия с велением рока, откажись» (384:7).

«Я вижу его в большом унынии» — *dil-aš bas tang mibīnam*, букв. «я вижу его сердце сильно стесненным», здесь представлена характерная для Хафиза игра, состоящая в своего рода «деконструкции» фразеологизмов. Конструкция, использованная Хафизом, отсылает к целому ряду устойчивых оборотов со словом *tang* «узкий», «тесный»: *dil-aš tang šud* — «ему тоскливо, тяжело на сердце»; *dil-tang* «грустный», «унылый», «раздраженный»; *ba tang āmadan* «изнемогать»; «выходить из себя», «раздражаться».

«Он же не притрагивается к чаше» — *maḡar sāḡar namīḡīrad*, частица *maḡar* «неужели», «разве» здесь употреблена в утвердительном значении (см. коммент. 4:3); *sāḡar giriftan* (букв. «брать чашу») имеет также значение «пристраститься к вину», «стать пьяницей» [Диххуда: сл. ст. *Sāḡar giriftan*].

Унылый и трезвый советчик имплицитно противопоставлен пьяному и беззаботному ринду.

9. В основе образа три традиционных уподобления: стекающий воск свечи — ее слезы, трепещущее пламя — смех, горящий фитиль — язык. Ср.: «Хотя я порой смеюсь, словно свеча, // Сквозь смех я плачу, увы!» [Ираки 1995: 110]; «Я тут же умру со смехом на устах, // Словно свеча, если скажешь мне — умри передо мной!» [Камал Худжанди 1975: 583, газ. 556, б. 6]. В руба'и Са'ди есть все три элемента хафизовского образа (плач, смех, язык): «Хотя свеча заливалась слезами скорби, // Плача,

она смеялась кажущимся смехом (*xanda-yi majāzī mīkard*). // Той дерзкой отрезали голову, и все же // Она стояла и распускала язык (*zabān-dirāzī mīkard*)» [Са'ди 1996: 747].

Восхваление поэтического мастерства (огненный язык) соединено в бейте с жалобой на равнодушные друга, который не обращает внимания на слова поэта, возможно, намек на каменное сердце, на которое не действует огонь; ср. схожий образ в другой газели Дивана: «Как свеча, смеясь над собой, я плачу, // Посмотрим, что сделают с тобой, каменносердый, мое горение и терпение» (400:8).

10. Уподобление сердца птице неоднократно встречается в Диване, см. контексты: 109:4; 140:4; 176:5; 394:5. «Дикие птицы» — *murgān-i vaḥṣī*, сравнение сердца с «дикой птицей», которую трудно поймать и удержать, косвенно подчеркивает достоинства «охотника». Так, Аухади писал: «Словно дикая птица, выпорхнуло из клетки тела // То сердце, которое обрело покой под сенью его лица» [Аухади, Dorj-3: газ. 339, б. 5].

«Никто лучше не ловит» — такой охотник, как «пьяные глаза», может успешно поймать дичь, только если она сама хочет быть пойманной; этот подразумеваемый смысл становится ясен из сопоставления с бейтом Са'ди: «Ты так поохотился на птицу сердца, // Что сердце больше не стремится в свое гнездо» [Са'ди 1996: 623, газ. 443, б. 2].

Отметим, что, согласно конвенции, оружием глаза являются стрелы (взглядов, ресниц), а стрелой дикую птицу поймать нельзя, можно только ранить или убить. Возможно, в бейте заключена скрытая ирония: ты так славно поохотился на птицу сердца — вместо того, чтобы ловить ее, ты ее сразу убил.

11. «Нужда» — *iḥtiyāj*, состояние влюбленного, стремящегося к объекту любви, ср. бейт из газели Руми: «То, что уподобляет [грозных] львов по нраву [жалким] лисам, — // Это нужда, нужда, нужда!» [Диххуда: сл. ст. *Iḥtiyāj*]. В Диване «нужда» обозначена этим словом лишь дважды (см. также контекст 33:6), в образах, рисующих нужду влюбленного и равнодушные, незаинтересованность друга, обычно используется персидский синоним *iḥtiyāj* — *niyāz*, см., например, 40:1, 60:8, 64:8.

«Возлюбленный — в достатке» — *istiḡnā-yi ma'šūq*, букв. «самодостаточность возлюбленного»; *istiḡnā* «отсутствие потребности»,

«незаинтересованность» в любовно-мистической поэзии обозначает «ненуждаемость» объекта любви во влюбленных и отсылает к религиозно-философской трактовке самодостаточности Всевышнего, связанной с одним из Его «прекрасных имен» — *ḡanī* «богатый», «[ни в чем] не нуждающийся». В Коране Бог неоднократно именуется *ḡanī* [Коран 2:263; 2:267; 3:97], в переводе И. Ю. Крачковского выбран вариант «богатый», у М.-Н.О. Османова — «не нуждающийся»: «<...> то ведь Аллах не нуждается (*ḡanīyun*) в обитателях миров» [Коран 3:97]. Тема «ненуждаемости друга» эксплицирована в знаменитой газели о ширазском турке: «Красота друга не нуждается (*mustaḡnī*) в нашей несовершенной любви» (3:4), она широко представлена в Диване (см. 25:3, 50:4, 71:5 и др.).

«Ворожба» — *afsūngarī*, намек на стихи, «дозволенное волшебство» — общепринятая метафора поэзии.

12. «Как Искандар» — *iskandarvār*, аллюзия к сюжету об Искандаре и зеркале; по приказу Искандара ученые создали чудесное круглое металлическое зеркало, закаленное огнем, которое отражало мир со всеми его событиями, см. [Низами 1993: 976–977]. В поэзии «зеркало Искандара» (*āīna-i sikandar*) наряду с «чашей Джамшида» стало обозначением способности видеть скрытое, см. коммент. к газ. 5:11. Кроме того, сюжет об Искандаре включает и создание гигантского зеркала-маяка, воздвигнутого в Александрии, основанной в 332 г. до н. э. Александром Македонским. В своей «Книге путешествия» (*Safar-nāma*) Насир Хусрав описывал его так: «В Александрии я видел маяк в полной исправности. На нем было установлено зажигательное зеркало, и если судно румийцев, шедшее из Стамбула, попадало в круг действия этого зеркала, на него тотчас же падал огонь, и судно сгорало. Румийцы старались изо всех сил предотвратить это, изобретали разные хитрости и, наконец, послали кого-то, кто разбил это зеркало» [Насир-и Хусрау 1933: 102–103].

В бейте «зеркало» — метафора сияющего лица возлюбленного [Рахбар: 203], либо метафора чаши с вином [Суди: 911; Хуррамшахи: 586].

«Этот огонь» — интерпретация зависит от того, как мы понимаем «зеркало». Если это лицо друга, то «огонь» указывает на «пламя любви» или речи поэта о любви, которые могут воспламенить или не воспламенить друга. Если зеркало — это чаша с

вином, то огонь указывает на вино. Именно такое толкование дает Суди: «Как Искандар получил зеркало, отражающее мир, так и я получу ту чашу от старца-мага — опьянит она меня однажды или не опьянит».

13. «Благодетель» — *mun'im*, также «щедрый» и «богач», еще в двух контекстах Дивана используется как обращение к покровителю (121:5, 383:5). «Бедняк» — *darviš*, также «дервиш» — странствующий суфий. В Диване Хафиза *darviš* всегда имеет положительную коннотацию и обозначает лирического персонажа (или коррелирует с ним), см., например, контексты 5:5, 15:3, 89:6, газель 49 целиком и 145:8. В газели 440:7 бедняк и богач парадоксально отождествляются: «Если на этом базаре есть прибыль, она — у веселого бедняка (*darviš*), // О Боже, сделай меня богатым (*mun'im*) бедностью и весельем!»

Здесь получает развитие тема бейта 11 о нужде влюбленного и недостатке (самодостаточности) друга: если друг богат и щедр, а влюбленный беден и верен, он заслуживает награды. В редакции Ханлари бейты 11 и 13 следуют друг за другом, благодаря чему их смысловое единство еще более заметно.

14. «Сочные, сладкие стихи» — *šīr-i tar-i šīrīn*, в выражении использованы два распространенных эпитета поэтической речи. Эпитет *tar* «влажный», «свежий», «сочный» характеризует поэтическую речь: «В искусстве красноречия 'сочным' называют плавный (*salīs*) стих, в котором нет смутности (*ta'qīd*), а противоположное этому — 'сухой' (*xušk*), который несовместим с ясностью (*faṣāhat*) и плавностью (*salāsāt*)» [Диххуда, сл. ст. *Tar*, со ссылкой на *Kaššāf-i iṣtilāḥāt al-funūn*]. Эпитет *tar* неоднократно встречается в самовосхвалениях поэтов-предшественников Хафиза; так, Хакани писал: «Когда сочный стих Хакани повиснет у тебя на устах, // Ты словно смешаешь огонь с водой» [Хакани, Doṭj-3: газ. 379, б. 8]. Са'ди писал: «Вода страсти течет из глаз Са'ди на руку и письма, // Конечно же, когда выходят стихи, речь оказывается сочной» [Са'ди 1996: 535, газ. 272, б. 9]; большую подборку примеров см.: [Хуррамшахи: 626–627]. В диване Хафиза выражение *šīr-i tar* встречается еще дважды (161:1 и 185:6).

Сочетание *šīr-i šīrīn* «сладкие стихи» также привычно в персидской поэзии: «Мой сладкий стих прочла луна-музыкант, //

И сахарную воду пролила на рубиновые уста, грызущие сахар» [Хаджу, Doḡj-3: газ. 65, б. 4].

«Шаханшах» — согласно К. Гани, имеется в виду Шах Шуджа⁴ Музаффарид; см. о нем: [Хафиз 2012: 12–13]. Этот покровитель Хафиза сам писал стихи, и газель Хафиза представляет собой, по мнению иранского филолога, ответ на произведение правителя-поэта; к сожалению, до нас дошел лишь первый бейт (ради́ф и рифма те же, что у Хафиза, но размер иной — правильный хазадж): *či šud jānā bad-in garmī ki sūzam dar-namīgīrad // tagar faryād-i mahjūrān tu-rā dar sar namīgīrad* «Что случилось, о дорогой, что мое столь жгучее горе на тебя не действует? // Может, стоны разлученных не идут тебе в голову?» [Хирави: 634].

«Покроет ... золотом» — осыплет золотыми монетами или оденет в расшитый золотом халат, обе трактовки подразумевают получение щедрой награды. С точки зрения поэтического этикета, подписной бейт содержит слишком откровенную просьбу о вознаграждении. Однако, если Хафиз отвечает на газель царственного покровителя, открывается возможность дополнительной интерпретации, при которой «сочными и сладкими» названы стихи шаханшаха.

Оказывается, что «возлюбленный» в б. 11 и «благодетель» в б. 13 есть Шах Шуджа⁴, а влюбленный и бедняк с его улицы — сам поэт; в заключительном бейте ситуация «деметафоризируется» за счет просьбы поэта о вознаграждении (*husn-i talab*), соединенной с восхвалением талантов сюзерена — шаханшаха. Лукавый Хафиз говорит правителю: удивительно, если ты, сам будучи автором великолепных стихов, не оценишь по достоинству стихи своего бедного и верного слуги.

* * *

В названии публикации стихотворение представлено как «газель о тщетных советах». Именно эта тема заявлена в зачине, получает развитие в ряде бейтов и поддержана многозначным ради́фом *namīgīrad* «не действует», «не берет», «не зажигает» и т. д., подчеркивающим тщетность упоминаемых действий.

Первым никчемным советчиком предстает в зачине сам лирический персонаж: он напрасно пытается вразумить свое влюбленное сердце (б. 1). Далее, по ассоциации, приведен совет, адресованный постоянному оппоненту героя-ринда — «советчику» (аскету, проповеднику, суфию), безуспешно призы-

вающему к воздержанию и благочестию. Герой готов внимать лишь речам о чаше и вине (б. 2), и с воспеванием вина связаны так или иначе следующие четыре бейта. Возвращение к любовной теме в бейте 7 оформлено как новое обращение к советчику из б. 2. На сей раз его «пустое наставление» гласит, что не следует любоваться красотой. Далее советчику выносятся окончательный приговор. Его назидания обречены на провал, поскольку противоречат велениям судьбы (ведь пьянство предначертано ринду), а сам он будет пребывать в унынии, ибо, в соответствии со своими правилами, «не притрагивается к чаше» (б. 8).

Если бы в этом бейте на месте «советчика риндов» стоял «советчик Хафиза», бейт звучал бы как подписной и вполне мог бы служить завершением газели обычной длины (8 бейтов). Однако стихотворение не заканчивается. Через ассоциацию «недейственные советы — недейственные речи» Хафиз вводит в газель свою излюбленную тему поэтической рефлексии. Она уже подготовлена: вино необходимо для «воображения» (б. 2), связь между вином и поэзией подчеркнута в нетривиальном сопоставлении бутылки с тетрадью (б. 4). В бейте 9 разговор о поэзии выходит на первый план: «огненный язык» поэта в некоем собрании (на маджлисе у Шаха Шуджа[?]) оказывается лишенным силы (б. 9). Затем герой сетует, что «ворожба» его стихов не действует на сердце друга (б. 11), неясно, смогут ли его речи когда-нибудь произвести впечатление на кумира (б. 12), при том что они столь «сочные, сладкие» (б. 14).

Лирический персонаж газели сменяет маски поэта-влюбленного (б. 1, 7, 9, 10, 11), пьяницы-ринда (б. 2, 3, 8), суфия-отступника (б. 5), бедняка (б. 13). Его адресат предстает как «розоликий виночерпий» (б. 3), охотник (б. 10), богач-благодетель (б. 13). В заключительном бейте поэтические маски сброшены, поэт Хафиз говорит о своем шаханшахе. Он, хотя и косвенно, дает покровителю заключительный «тщетный совет» — следовало бы озолотить твоего Хафиза! Одновременно поэт дает окончательную оценку своим стихам — сами по себе они прекрасны, но, как это ни удивительно, не оказывают должного действия. Так в заключительном бейте искусно сплетаются обе ведущие темы, и стихотворение в ретроспекции предстает как сетование на тщету слов.

Литература

- Амир Хусрав, Диوان اشعار. CD Dorj-3. Mehr Argham Rayaneh Co. Tehran [2007].
Dorj-3
- Аухади, Диوان اشعار. CD Dorj-3. Mehr Argham Rayaneh Co. Tehran [2007].
Dorj-3
- Диххуда علي اكبر دهخدا. لغت نامه. چاپ اول از دوره جديد. جلد ۱۴-۱. تهران ۱۳۷۲
Ираки ديوان كامل شيخ فخر الدين عراقى. مقدمه و تصحيح اسماعيل شاهرودى.
تهران ۱۳۷۴ 1995
- Камал Худжанди Камал Худжанди. Диван / Критический текст
1975 К. А. Шидфара. Т. 1–2, М.
- Коран Коран / Перевод и комментарии И. Ю. Крач-
ковского. М., 1986.
- Коран, перевод Коран / Перевод с арабского и комментарий
Османова М.-Н.О. Османова. М., 1995.
- Насир-и Хусрау Насир-и Хусрау. Сафар-наме. Книга путешест-
вия / Пер. Е. Э. Бертельса. М.
1933
- Низами كليت خمسة نظامى. مطابق نسخه تصحيح شده وحيد دستگردى. جلد ۱ و ۲.
تهران ۱۳۷۲ 1993
- Рахбар ديوان غزليات مولانا شمس الدين محمد خواجه حافظ شيرازى، بكوشش دكتور
خليل خطيب رهبر. تهران ۱۳۷۳
- Са’ди كليات سعدى. مطابق نسخه تصحيح شده محمد على فروغى. تهران ۱۳۷۵
1996
- Салман ديوان سلمان ساوجى. تهران ۱۳۹۰
2001
- Суди شرح سويدى بر حافظ. محمد سويدى بسنوى. ترجمه دكتور عصمت ستارزاده.
تهران ۱۳۷۸
- ‘Убайд Закани كليت عبيد زاكانى. با مقدمه استاد عباس اقبال آشتيائى. تهران ۱۳۷۶
1997
- Хаджу, Диوان اشعار. CD Dorj-3. Mehr Argham Rayaneh Co. Tehran [2007].
Dorj-3
- Хакани, Диوان اشعار. CD Dorj-3. Mehr Argham Ra-
yaneh Co. Tehran [2007]
Dorj-3
- Хафиз ديوان غزليات مولانا شمس الدين محمد خواجه حافظ شيرازى به كوشش دكتور
خليل خطيب رهبر، تهران، ۱۳۷۳
1994
- Хафиз Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А.
Хафиз: Газели в филологическом переводе. Ч. 1.
М.: РГГУ, 2012 (Orientalia et Classica: Вып. XLII).
- Хирави شرح غزليات حافظ. نوشته دكتور حسينعلى هروى با كوشش دكتور زهرا
شادمان. جلد ۱- ۴. تهران ۱۳۷۸
- Худжвири Аль-Худжвири. Раскрытие скрытого. Старей-
ший персидский трактат по суфизму / Пер. на
2004

русский язык английского перевода Р. Николсона А. Орлова. Научный редактор русского перевода Н. И. Пригарина. М.

Хуррамшахи

حافظ نامه. شرح الفاظ اعلام مفاهيم كليدى و ابیات دشوار حافظ، بخش اول و دوم، نوشته بها الدين خرمشاهی، تهران ۱۳۷۸

Hafez de Chiraz
2006

Hafez de Chiraz. Le Divan / Introduction, traduction du persan et commentaires par Charles-Henri de Fouchécour. Lonrai.

N. Chalisova, N. Prigarina, M. Rusanov

Hafiz's Ghazal on the Futility of Advice

The paper includes a translation of the ghazal “*Dil-am juz mihr-i mah-rūyān ʔariq-i bar-namīgīrad*” (“My heart follows no other path save love of the moon-faced”). We prepared it for the second volume of the complete philological translation of the Divan (for the first volume, ghazals 1–100, see [Hafiz 2012] in the *References* section of the article).

The introductory part contains some preliminary data on the poem under discussion. Hafiz composed it as an “answer” to the ghazal of Shah Shuja‘, the ruler of Shiraz and the poet’s patron (regretfully, the sources preserved only the opening two half lines of the ruler’s poem). The “pearls” or lines of the ghazal seem unstrung; it counts 14 beyts (almost twice the standard number), which enhances the effect of semantic disintegration. The poem serves as a good example of Hafiz’s signature poetic technique of associative and parallel montage of themes and images.

The Persian text of the ghazal (according to Qazvini–Gani version) and its Russian word-for-word prose translation is followed by a detailed commentary on each beyt of the poem. It contains some philological particulars about the wording and imagery and the arguments on the choice of each interpretation. We also analyze the main themes of the poem as we see them, one of them being the “futility of advice,” and the other, “the futility of poetry.” The complex interplay of those two themes is what keeps the sequence of “disintegrated” lines together. It also highlights the great poet’s overall message of “the weary feeling of the futility of words.”

M. Alontsev, N. Chalisova, L. Lahuti,
E. Nikitenko, T. Schetchikova

Junayd Baghdadi: “The Peacock of the Learned” and “The Sultan of the Realized”

The article includes the first complete Russian translation of the 43th chapter from the “Memorial of God’s Friends” (*Tazkirat al-awliyā*), a hagiographic compendium composed by Farid ad-Din ‘Attar in the 12th century. It is also the first output of the project on Russian translation and research of the *Tazkirat al-awliyā*. The project is undertaken by the participants of the Joint Iranian

● Orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et **Classica**
Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue LXI

Ya evam veda...
Кто так знает...

In memoriam
Vladimir Nikolayevich
Romanov

Moscow
2016

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et **Classica**

**Труды Института восточных культур
и античности**

Выпуск LXI

Ya evaṃ veda...

Кто так знает...

Памяти

Владимира Николаевича

Романова

Москва
2016

УДК 821.21'01:81'255.2
ББК 86.33
У 11

Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности
Выпуск LXI

Под редакцией И. С. Смирнова

Составители

Н. Ю. Чалисова (отв. ред.), Н. В. Александрова, М. А. Русанов

ISBN 978-5-7281-1777-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016
© Институт восточных культур
и античности, 2016

Оглавление

Предисловие

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов, Н. Ю. Чалисова</i>	5
<i>В. В. Глебкин. О научном пути В. Н. Романова</i>	11
<i>А. Н. Мещеряков. Владимир Николаевич Романов: человек на своём месте</i>	15

Раздел 1: Индология

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов. Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней»</i>	25
<i>А. А. Вигасин. Цари и боги Древней Индии</i>	55
<i>А. М. Дубянский. Конь и колесница в тамильской лирике</i>	75
<i>Д. А. Комиссаров. Встреча Сиддхартхи Гаутамы с царем Бимбисарой: история текстов</i>	97
<i>Н. А. Корнеева. Брахманы намбудури: некоторые особенности традиции передачи ведийских текстов</i>	115

Раздел 2: История и теория культуры

<i>О. Ю. Бессмертная. Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане</i>	135
<i>В. В. Глебкин. Структура лексического комплекса философия в текстах русской культуры XVIII в.</i>	191
<i>А. М. Ермакова. Гумилев и Садаякко: отражения и подражания</i>	211
<i>А. В. Журавский. Авраам в исламской традиции</i>	249
<i>С. В. Кулланда. Гордость и предубеждение (жизненный опыт и научный поиск)</i>	265
<i>А. Н. Мещеряков. Разгул стихий в столице: катастрофизм сознания и восприятие природных бедствий в Японии периода Хэйан</i>	283
<i>А. В. Смирнов. Эпистема классической арабо- мусульманской культуры</i>	299

Раздел 3: Переводы классических памятников

<i>А. Г. Лахути. Александр Великий в поэме 'Аттара 'Илахи-наме'</i>	327
---	-----

<i>Н. Н. Селезнев.</i> «Хотя и не обязательно для меня то, что приведено в Коране, я выведу из него доказательство»: Третья беседа Илии, митрополита Нисивина, и везира Абӯ-л-Қасима ал-Мағрибй	349
<i>Н. И. Пригарина, Н. Ю. Чалисова, М. А. Русанов.</i> «Мое сердце не принимает иного пути»: газель Хафиза о тщетных советах	365
<i>М. А. Алонцев, Л. Г. Лахути, Е. Л. Никитенко, Т. А. Счетчикова, Н. Ю. Чалисова.</i> Джунайд Багдади: «Павлин ученых» и «Султан приобщенных к истине»	381
Сведения об авторах	441
Abstracts of the papers	447

Contents

Foreword

(<i>N. Aleksandrova, M. Rusanov, N. Chalisova</i>)	5
<i>V. V. Glebkin</i> . Vladimir Romanov's scholarly path	11
<i>A. N. Meshcheryakov</i> . Vladimir Nikolayevich Romanov: the right man in the right place	15

Part 1: Indology

<i>N. Aleksandrova, M. Rusanov</i> . Omens of birth of the Bodhisattva in Buddhist hagiography: “the poetics of the catalogs”	25
<i>A. Vigin</i> . The kings and the gods in Ancient India	55
<i>A. Dubyanskiy</i> . Horse and chariot in Tamil lyrics	75
<i>D. Komissarov</i> . Siddhartha Gautama meets king Bimbisara: a history of texts	97
<i>N. Korneeva</i> . The Nambudiri Brahmins: some peculiarities of Vedic texts transmission	115

Part 2: History and theory of culture

<i>O. Bessmertnaya</i> . Who was M.-B. Hadjetlaché after all, or the need for deceit	135
<i>V. Glebkin</i> . The structure of lexical complex <i>philosophy</i> in the texts of the 18th-century Russia	191
<i>L. Ermakova</i> . Gumilyov and Sadayakko: reflections and imitations	211
<i>A. Zhuravskiy</i> . Abraham in the Muslim tradition	249
<i>S. Kullanda</i> . Pride and prejudice (life experience and scholarly quest)	265
<i>A. Meshcheryakov</i> . Natural calamities in the capital: catastrophe in the mind and perception of natural disasters in Heian period	283
<i>A. Smirnov</i> . The episteme of the classical Arab-Islamic culture	299

Part 3: Translations

<i>L. Lahuti</i> . Alexander the Great in the <i>Ilahi-Nameh</i> by Farid ad-Din ‘Attar	327
--	-----

<i>N. Seleznyov</i> . “Though it is not obligatory for me what is stated in the Qur’ān, I will get proof from it”: the third conversation between Elias, Metropolitan of Nisibis, and wazir Abu ʿI-Qasim al-Maghribi	349
<i>N. Chalisova, N. Prigarina, M. Rusanov</i> . Hafiz’s ghazal on the futility of advice	365
<i>M. Alontsev, N. Chalisova, L. Lahuti, E. Nikitenko, T. Schetchikova</i> . Junaid Baghdadi: “The Peacock of the Learned” and “The Sultan of the Realized”	381
Notes on the contributors	441
Abstracts of the papers	447